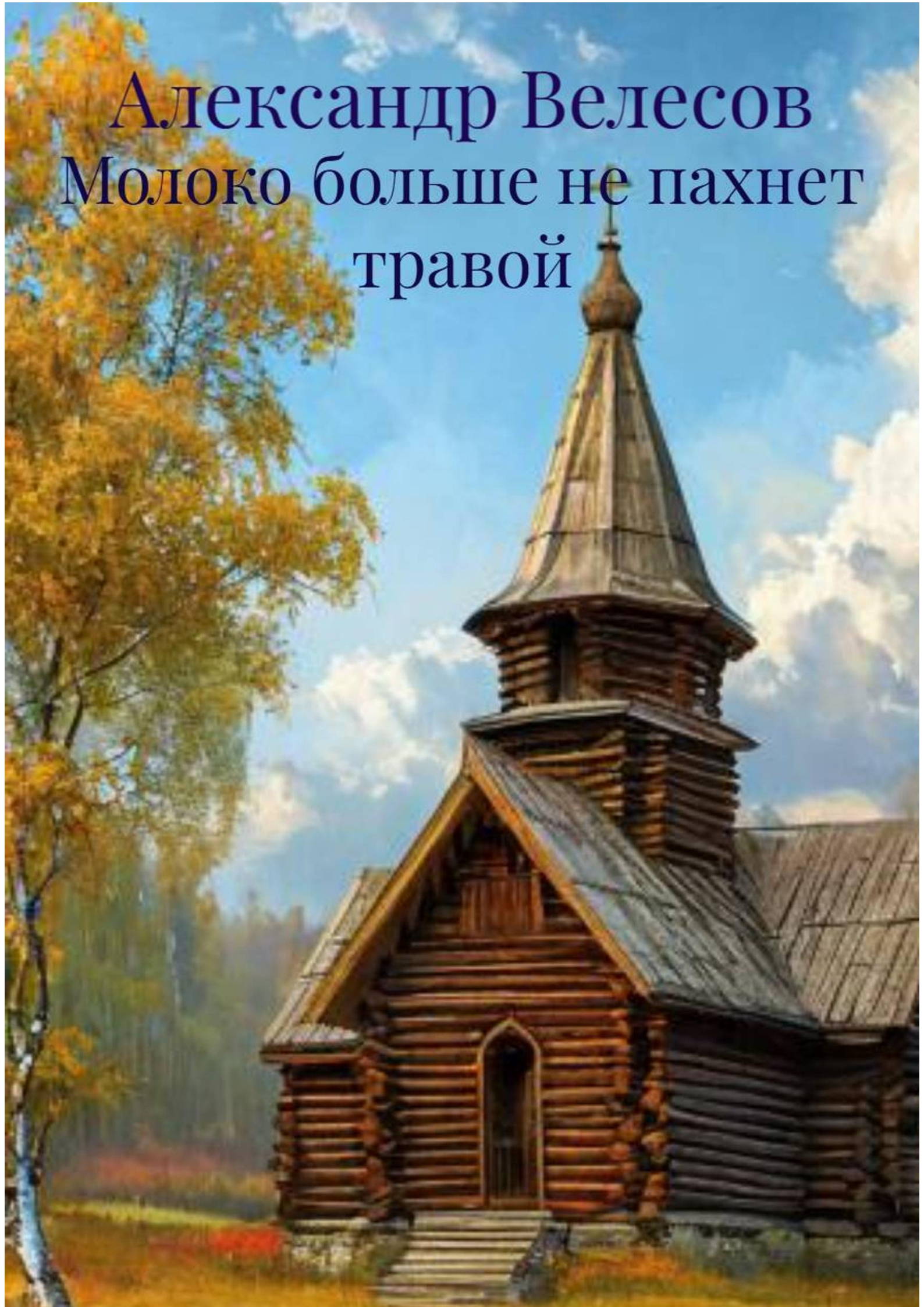

Александр Велесов
Молоко больше не пахнет
травой

Александр Велесов

Молоко больше не пахнет травой

«Автор»

2025

Велесов А.

Молоко больше не пахнет травой / А. Велесов — «Автор», 2025

Это книга о Боге и человеке, о народной вере вне храмовых стен, о мистическом реализме русской глубинки, о боли утрат и надежде, которая не исчезает даже тогда, когда молоко больше не пахнет травой.

© Велесов А., 2025

© Автор, 2025

Александр Велесов

Молоко больше не пахнет травой

Молоко больше не пахнет травой

Сию книгу посвящаю маме моей.

Смысл бытия ищет каждый из нас, но не каждый может найти. Это история о том, как несколько веков назад в некоем роду русских молокан родилась девочка, которой суждено было стать Великой Целительницей. Рождение этой девочки предопределило появление в середине двадцатого века, в этом же роду, девочки, которой суждено было стать уже православной святой. Перехлест двух эпох... Первая эпоха это гонение на молокан царской властью и их исход через много тысяч верст на южные земли. Вторая эпоха, время от двадцатых годов двадцатого века до нашего времени. Две судьбы... Две драмы... Два пути, которые, пронзая века удивительным образом, переплетены у этих героинь. И вечная борьба добра и зла на пути познания Бога.

НАЧАЛО.

Сначала был голос... Он разливался в утренней тишине, наполняя все вокруг нежностью, чистой светлой радостью и счастьем. Она просто пела... Но ее песня была не простой, в ней воспевалось все, что окружало ее, и в чем она видела творения ее любимого Боженьки. Пела, голос ее стелился мягким и обволакивающим звуком, расстилаясь по утренней траве, словно легкая дымка, нежная и слегка прозрачная. Везде стоял запах чистой, девственной природы, который слышался повсюду, проникал везде своей безукоризненной и ровной, как будто отточенной свежестью первородного чистого счастья.

Она стояла на лугу возле своей избы, воздев руки к небу, навстречу струящимся лучам восходящего солнца, блики которого осыпали ее, превращая в блестящий кокон яркого света.

Ее светлые волосы, рассыпаясь по телу, вспыхивали и горели, словно и сами были такими же солнечными лучами.

А она брала этот солнечный свет руками и поливала себя, будто это была родниковая вода для нее, в каждой капле, которой застыло небесное светило.

– Мама! Мама! Я пою! Я пою! Солнышко! Какое счастье! Солнышко! – и лицо ее светилось тоже как солнце.

– Марья! Марья! Ты где окаянная?! – вздрогнула она от зычного голоса своей мамки, раздавшегося из избы.

Девушка сначала застыла в оцепенении, потом слегка сжалась, напряглась и, резко повернувшись, вбежала в дом.

Молоко.

– Марья молока неси!

Голос мамки... Обычно строгий, даже какой-то тяжелый и липкий, как и сама тяжелая поступь Глафиры. Смотрела Глафира всегда исподлобья и взгляд ее будто прилипал к Марье, сверлил ее насквозь, как будто вгрызался в нее, словно в молодую березовую поросль.

– Давай быстрее, оголтелая! – всегда подгоняла Глафира свою дочь, хотя и та без мамкиного приказа летала, порхала, носилась повсюду.

– Скоро мужики с поля придут, а нам еще блины ставить!

– Ща! Ща! – бормоча себе под нос, носилась уже по избе Марья.

– Да сметаны с погребца доставай, девка оголтелая! – кричала на нее мать.

– Мам, а дядька Терентий сегодня придут?

– К полудню придут! К полудню!

– Они так сладко про Боженьку нам ведают! Так душевно! – бегая по избе, верещала Марья.

– Мала ты еще о небесах трещать! Тащищи то, что велено, – ворчала ее мать.

– Щщщас, маменька! Щщщас! – суетливо кричала Марья, бегая с места на место.

– Мала ты еще, и небеса твои здесь пока. Вон тутя горшки, да поварешки, а ешше животишка всякая, за которой ходить надобно и матери своей помогать, а Господь он итак нас слышит, он тут с нами всегда.

– Щщщщас маменька! Щщщщас!

Скоро на большом дубовом столе в горнице стояла крынка молока, жбан с густой желтой сметаной ..., дымились на глиняной тарелке блины, а Глафира поставила в середину стола еще и дымящийся горшок с лапшевником из печи.

– Щщщас уже придут наши мужики, и дядька Терентий приведет Божьих человек как обещался, – бубнила теперь уже под нос и Глафира.

Вскоре в сени тяжелой поступью вошел и сам хозяин дома Селиван Гурьев. Большой статный, достаточно еще молодой мужик с ровными, хотя, и немного округлыми чертами лица, рыжей бородой-лопатой и глубоко посаженными синими глазами, смотревшими на все исподлобья своих нависших густых рыжих ресниц.

За ним прихрамывая, как-то боком, ковыляя, вошел дядька Терентий, родной брат покойного отца Селивана. Слегка сутулый, согнутый от тяжелой крестьянской жизни, дядька Терентий сохранил свой гордый взгляд свободного человека, хоть, и давно придавленного земными заботами.

Следом, немного испуганно, вошли в избу два брата Марьи. Отроки молодые были, с редким пушком над губами, но таким же отцовым взглядом на все смотрящими исподлобья.

– Ну и где ж твои Божьи люди? – подбоченься, спросила Терентия Глафира.

– Щщщас будут. Ужо недалеко они. По дороге идут к нам, – как-то важно произнес дядька Терентий.

– Давай проходи, Терентий, – молвил Селиван, – Сидай.

– Идут батя! Ужо тут! – пронзительным голосом завопил один из братьев.

В сенях послышался скрип половых досок, крик, шепот и вслед за братьями в избе появился сначала один человек, а за ним и другой. Это были два старца, одинаково одетые в черные длинные рубахи, ставшие серыми от дорожной пыли. День был жарким, и с их лиц струились капли пота, и оттого их седовато желтые бороды прилипли к одежде.

– Мать водицы б нам напиться, – глухим голосом произнес тот, что вошел первым, и он отойдя немного в сторону поклонился сначала хозяевам дома, а потом снова проговорил,

– Вот это отец наш Божий человек афанасий, – показал кивком своей головы на старого седовласого своего спутника, который, по-видимому, был наполовину незряч, потому как смотрел на все, сильно щурясь.

– , а я его поводырь, Федор ...

Глафира тут же крикнула:

– Марья! Водицы да побыстрей Божьим человекам!

Напившись воды, старцы уселись за столом.

– Отведайте нашенского теперь кушанья, – басом сказал хозяин дома Селиван.

– Отец афанасий должен пропеть песню – молитву, – сказал первый старец, – , а потом и кушать будем.

Отец афанасий, встав, начал тянуть один из святых псалмов, и, в конце перейдя на обычную речь, сказал,

– Благословляем еду эту Светом Божьим. Вкушайте люди добрые.

Все чинно расселись за большим столом, грубо выдолбленным из цельного дерева.

Каждому были выданы большие деревянные ложки, которыми они стали черпать из большого глиняного горшка густой наваристой лапшевник. От еды шел вкусный и липкий запах. Старец афанасий долго дул на ложку с лапшевником, а потом, мелкими глотками, прихлебывая со свистом, втягивал в себя густое варево.

Вскоре в ход и блины пошли со сметаной. Запивали все густым свежесквашенным молоком.

– Хороша видно корова, – с кряхтением произнес отец афанасий, – Больно молоко ейное вкусное. Давненько мы с тобой Федор такого молока, да сметаны не едали.

– Давненько, – аж зажмурившись, произнес Федор

– Не молоко, а ляпота, – снова говаривал афанасий.

– Ляпота, – вторил за ним Федор.

– Медку, медку кушайте люди добрые, – почти шепотом сказала Глафира.

– Молчи мать! – прикрикнул на жену Селиван, – Они сами знают, что им надобно.

– Корова она как матушка для нас родная, – произнес снова отец афанасий.

Все сразу застыли, видно понимая, что настало очередь для слова божьего.

– Ну что люди дорогие, прошло время пищи людской, настало время и для пищи Божьей, – услышали все старый трескучий голос отца афанасия.

И слышали они в тот час беседу с Богом. Будто сам Господь Всевышний вещал с ними, через измотанный судьбой избитый тяжелой крестьянской жизнью, голоса отца Афанасия.

– Вот так, люди добрые... – вздыхая, говорил он. – И потому наши отцы праведные дают нам заветы и те заветы пришли не через попов и резники их златые, а через веру в Господа Бога и часть его в каждом из нас сидит. Тока не видим мы его... Спим потому как, а проснуться не можем, нету сил на это... Силы все забрали они у нас, а Господь Спас Наш Праведный, пришел в этот мир голый, и не он храмы златые заведовал ставить. Ту церкву люди придумали... Чтобы нас человек, не Богу служить, а таким же людям, которые себя на место Бога то и поставили.

Долго говорил старец афанасий, каждое слово продумывал, и каждую мысль свою будто в себе задерживал, ставя ее на одну чашу весов со своими и людскими деяниями.

Потом замолчал он ... И все молчали ... Пока не услышали в тишине тонкий нежный голосок маленькой девочки, сидевшей в углу общей скамьи, выглядывавшей за спинами своих родителей.

– Дедушка, Божий человек, а почто мы теперича на пост Великий молоко вкушать стали? Боженька ведь запрет на это дал.

– Отец афанасий, Вы пигалицу простите ужо... Мала она пока, а все туда же... В дела Божьи лезет, – пробормотал, как-то потупясь, Селиван.

– , а на то и есть промысел Божий, чтоб чрез уста малого дитяти сам Господь и учит нас уму да разуму, – надрывным голосом отвечал ему афанасий, – И отвечу я ей на это... Молоко да сметана не есть грех человеческий. Молоко нам сам Господь велел вкушать, потому, как оно есть первое что надобно для человека с рождения, это пища наша. В чем же грех этот? Грех людской не в молоке, а в помыслах, в страстях, в разуме блудном ... Те запреты нам главными в церквах писаны. Не молоко грех, а дела человеки, а для нас Слово Божье и есть молоко небесное.

Снова замолчал старик и тихо стало.

– Ну ладно люди добрые устали мы с дороги, – произнес Федор.

Вскоре в избе тихо совсем стало. Все ушли ко сну. Не спалось только маленькой Марьи. Думала она обо всем и все больше о Боженьке. И представлялся он ей красивым дедушкой с такими же глазами как у ее отца и доброй, предоброй улыбкой, а потом все уснуло ...

Только слышно было как в сениях, где-то в углу, кто-то грыз что-то в подполе, во дворе тихо скулила собака, а легкий шелест ветра тихим шепотом ложился на кроны ближайших деревьев.

Ночь легла на то место черным покровом тайны, которую принесли с собой эти два старых странника, и с ней все началось.

Странники ушли на следующий день, оставив в подарок Селивану большую старинную Божью книгу. Книгу странник Федор достал из мешка и положив на дубовый стол молвил,

– Батюшка ... Матушка, – обращался он к Селивану и Глафире, – а это примите от нас как дар Божий. Сия книга о хождениях Спаса Нашего Господа Иисуса Христа и то что завещал он нам с апостолами своими. Ты же Селиван грамоте учен я знаю ... Вот и читай книгу эту Божью своим близким. В ней все дюже праведно написано ... В ней ответы на все вопросы. И почему Господь заповедовал нам не в храмах молиться, а мы нонче опять пошли той же дорогой и оттого страдания принимаем. Кто-то в поте лица пищу свою добывает, а кто-то сидит на злате да чахнет. Прими от нас дар этот и готовьтесь к тому, что скоро покинете места эти. Туда куда Вас и многих других судьба кинет новый дом искать... Христос Мессия придет, и потому не противьтесь Вы этому. Значит, так должно и быть. Тяжкие испытания примите, но все ради Господа нашего ... За него и Голгофа млеком для нас покажется. Все это отец Афанасий в своих видениях видел. На то он Господом самим и отмечен, – сказал все это Федор.

Поклонились они со старцем Афанасием всем домочадцем и тихой поступью покинули дом Селивана.

Вечером того же дня свежее молоко в жбане на глазах у Марьюшки окрасилось в красный цвет крови.

Медленно, с самого края молочной поверхности сначала появились красные крупинки, а потом, увеличиваясь на глазах Марьи, они превратились в одно сплошное красное месиво, от вида которого у Марьи потемнело в глазах. В жбане теперь была одна лишь кровь ...

Закрыв глаза от ужаса, девочка бросилась к своей маме.

– Мама это кровь! Кровушка эта! Кровушка! – закричала она, но Глафира лишь обняла свою дочь, а на жбан с молоком, превратившейся в кровь посмотрела так, будто увидела она саму смерть, которая пришла за всеми.

А Марьюшка вдруг глаза закатила так странно, что они словно смотреть куда-то вверх стали, а сама белая стала как полотно и задрожала вся. Глафира же, мать ее тоже, побледнела вся, кинулась было к дочке, обняв ее ...

– Что ты доченька родненькая? Что с тобой дитя мое?

– Мама нам здесь немного жить осталось. Все верно дедушка божий человек сказывал. Лет еще с пяток или чуть боле, а потом все пойдем далече, очень и очень далече, той земли не видать. Там и останемся ... Много помрет народу, а кто туда дойдет, и те тоже долго еще страдать будут. Но мы дойдем ... Мы дойдем ...

– Ты что говоришь такое? Что говоришь то ... – говорила мать, прижимая дитя к себе.

И с того самого дня стала Марьюшка видеть многое... то что не всем смертным дано было видеть. Человек помереть должен, а Марьюшка уже за месяц знала. И у кого, отчего корова захворала, и из-за чего и человек той или иной хворью тоже заболел и как лечить оною. И видела она многое еще и ангелов божьих и силу даже нечистую и душ с того света и знала она тайны людские и помыслы.

Так как не хоронились родители Марьи скрыть то, что дочери их дано свыше стало, но вскоре люди прознали это и стали многие к ней ходить, к ребенку еще за советом, и свои молokane, и даже православные, и даже господа дворяне из города.

Но чем старше становилась Марья тем все в себе замыкалась и не с охотой бралась за дела такие, потому как болела сильно потом. Припадки те только хуже ей делали.

Но природа свое брала ... как и все в этом мире. И все ее звали уже не иначе как Марья искусница.

Кровь

Никто никогда бы не смог раскрыть замысел тех сил, которые незримо следят за каждым шагом рода людского. Начиная с тех самых дней, когда человек еще в утробе матери, и когда впервые открывает глаза, появляясь на этот свет, и тогда, когда делает свои первые еще слабые шажки, и смотрит на этот мир удивленными глазами, где все ему кажется чем-то удивительным и даже немного возможно и пугающим.

И где та грань, что отделяет наш мир от мира вымышленного?... Там, где явь и сон соединяются в один узел, и порой никто не знает, где ему суждено пребывать..., в своем собственном сне или в мире грез и иллюзий..., где человек может быть всего лишь временной тенью своего собственного сознания.

Перед нами стоит целый пласт времени перед теми событиями, которые теперь последуют в моей истории.

День выдался слегка пасмурным, когда Надюша пришла со школы домой. Но дома опять было шаром покати, а вот во дворе ее дома уже накрывала на стол ее бабка, которую соседи все звали злой молоканкой бабкой Иванихой за грубый нрав, да еще были двое сыновей бабки Иванихи, родных дядек маленькой Надюши, с женами своими.

Надюша, которую все домашние ласково звали Лялей, стала подсматривать за ними через дверной проем.

Все дело в том, что отца девочки совсем недавно посадили на два года... Работал он на мясокомбинате водителем грузовой машины и случайно сбил мальчика. Несильно, правда..., но этого было достаточно, чтобы его посадили в тюрьму. Мать Наденьки теперь носила еду в больницу этому мальчику, всю еду что успела сготовить... И какой день, когда Надюша приходила из дома ей не перепадало и корки хлеба. Откуда и ей-то было взяться... Мать Надюши, которую все звали Нюрой, была обычной простой уборщицей в Институте переливания крови, который был совсем рядом с домом. Старшая сестра Наденьки Валентина была еще студенткой, а единственный кормилец сидел в тюрьме.

– Что интересно они будут кушать? – подумала Надюша, наблюдая за ними и чувствуя, что во рту у ней уже набежала слюна.

Запах незримо подобрался к дверному проему.

– Курник, – подумала она снова, сглотнув слюну. Они же вчера петуха зарезали, нашего Темушку.

В это время взрослые уже садились за стол, в центре которого стоял глиняный горшок, от которого исходил вкусный превкусный запах. Был разложен и порезан каравай, свежего железнодорожного серого хлеба из местной лавки, большая миска с квашеной капустой, солеными огурцами и вареной картошкой.

Надюша почувствовала, что у ней от голода уже кружится голова. Она ушла в школу голодной и пришла голодной.

Дворик, в котором был накрыт стол, утопал в зелени, и, хотя было пасмурно, но душно, как и должно было быть в середине жаркого бакинского лета, зелень же давала прохладу.

Надюша знала, что ей не дадут есть. Бабка была не доброй к ней, а даже грубой порой. Надюша мало что понимала в том, почему ее бабку называли молоканкой, но она точно была уверена в том, что именно потому, как ее бабка была молоканкой, она и была злой. То есть эта черта ее характера была связана с тем, что ее звали молоканкой.

– А может все-таки дадут мне покушать? – подумала она и робко бочком подошла к столу, встав у самого края.

Вкусный запах, исходящий из горшка, казалось, готов был сбить ее с ног, а курник в это время стали разливать по тарелкам, и при этом, никто будто совсем и не видел маленькой девочки, которая стояла рядом со слезами на глазах и с коликами в своем животике от голода.

Бабкин петух был жирным, домашним, откормленным на зерне. Надюша помнила его. Он был с ярким красно-оранжевым опереньем, и бабка почему-то звала его Темушкой.

Помимо него у бабки было еще два петуха и десятка три кур-несушек и, видно, Темушка стар стал, и пришло его время быть сваренным в супе, и поданным на стол бабкиной родни.

А родня при этом, громко чавкая, стала поглощать горячее варево с большими кусками вареного Темушки.

Надюша почувствовала, как уже теряет сознание от голода и думала про себя при этом, Хоть хлебушек, хоть корочку хлебушка дайте мне... Прошу Вас, – стояла она, и слезы текли по ее лицу.

Но взрослые, будто продолжали не видеть ее совсем, словно невидимая пелена закрывала им глаза.

Правда она видела, как на нее коситься бабка, злым и недобрым взглядом, взглядом старой сектантки, как называл ее один из ее постояльцев, которому она еще и умудрялось сдавать комнату в своем дворе.

– Хватит тут стоять! – услышала в это время Надюша голос ее старшей сестры за спиной и почувствовала, как та потянула ее за школьную кофту, – Пойдем в дом.

Валентина чуть не силком затащив в дом младшую сестру, сунула ей в руки большой бутерброд. Это был ломоть хлеба с колбасой, паек студента выданный в институте. Старшая сестра, зная положение в доме, какой день приносила своей младшенькой паек.

– А ты? – робко спросила ее Надюша.

– Давай ешь! – гаркнула на нее сестра, – Ты же знаешь их. Какие они. Думала накормят? Хммм... Бабка тоже. – Валентина в отличие от младшей сестры была более жесткой, но в открытую с родней все равно не связывалась, – Мамка где? Все там же? Да уж... Когда же это все закончится? Ладно, пошли чай пить, а этих ... Ну их!

Шел июнь 1941 го года.

Вечером того же дня у Нюры, молоко, которое она принесла домой, окрасилось в красный цвет. Стало красным как кровь.

Надюше же во сне снилась девочка, давно уже... такая же как и она, с белыми локонами и большими зелеными глазами на светлом личике.

Но Надюша никогда и не кому не рассказывала про то, что давно видела в своих снах Марьюшку. Она не знала и не понимала того, почему она видит ее, но чувствовала, что Марьюшка неразрывно связана с ней каким-то особым креплением, узлом, и даже самой жизнью.

Но только лишь с того дня, как у Нюры молоко превратилось в кровь, Надюша перестала видеть Марьюшку просто, обыденно что ли... как было раньше... Все поменялось отныне... и стала видеть Наденька Марьюшку только перед чем-то важным, чем то особенным ... событием меняющем судьбу.

И проснувшись утром, Надюша сказала маме своей, тихо так, словно сама боялась сильно того, что поведала ей Марья во сне:

– Мама, а скоро война страшная будет.

– Ты что, доча? Какая война? Ты что? Небось сон плохой приснился ... – удивилась еще Нюра.

– Нет, будет мама, будет.

На следующий день по радио объявили, что началась война.

Мамка причитала все утро. Нюра знала, что ее мужа скоро должны выпустить, и возможно его сразу и заберут на фронт.

– Это Господь Бог шлет нам знак. Вот и война пришла, будь она неладна, а ведь Петра то должны отпустить скоро, и тут на те война... Заберут, теперича, папку Вашего. Заберут ведь, – причитала Нюра, перед сидевшими перед ней дочками.

С войной пришел и голод, хотя в маленьком домике семьи Ивановых итак было голодно.

А папку скоро освободили... Мать Петра, бабка Иваниха, встретила сына недобрым взглядом и стоя на пороге их общего двора, только спросила у нелюбимого сына:

– Говорила я тебе, что новая семья твоя счастья не даст, а ты как был дурак так им и остался. Вся семья у них малахольная, и ты стал такой же. Тьфу, – сплюнула бабка.

Ничего не ответил ей Петр, а только прошел к себе в дом.

Бабку Иваниху боялись все... И муж ее, старый Федор, и сыновья, и невестки, и внуки, и соседи. Невысокого роста, коренастая с широким и немного рябым лицом бабка Иваниха обычно ходила в старомодном сарафане до пят. Волосы у ней всегда как-то сбившись в клоки топорщились в стороны, а взгляд был колючим и жестким.

Говорили, что еще до революции ее семья была одной из самых богатых семей молокан в большом селе недалеко от Баку. И еще долго Ивановы гремели как богачи. Их не затронула Гражданская война, которая прогремела тогда по всей России, и не моры, волна за волной накатывавшие на изможденную страну. Многочисленное стадо овец, которых держала семья Ивановых, а также и торговые ряды на молочанском рынке в Баку работали на Ивановых. Были и батраки, из своих же обедневших молокан. Все это было до тех пор, пока не подошло время колхозов.

Многочисленные стада овец и коров богатых молокан перешли в общее пользование, а бывшие батраки стали теперь членами правления колхоза. Торговые ряды у Ивановых тоже забрали.

Поэтому семья бабки Иванихи была одной из самых старых в этих местах. Окраиной того старого Баку был в те времена поселок, в котором проживали в основном те из русских молокан, которые еще при царском режиме начали уезжать из деревень и селиться в городе. Позже стали селиться и русские, которые бежали от красного террора бурей прошедшего по центральным областям нового Советского государства, а позже уже и армяне, и лезгины, и всякие другие народы.

Пришедшая вместе с Советской властью нужда заставила их сдавать комнаты всем подряд, а особенно местным азербайджанским татарам, приезжавшим из аулов торговать на местном рынке.

В конце двадцатых годов из разоренной Гражданской войной страны, приехала семья Черниковых.

Глава семьи Черниковых, Василий Антипыч, выглядел благочинно и был очень благородным человеком. Он все делал неторопливо, говорил тихо. Ходил всегда в добротном ухоженном сюртуке дореволюционного покроя, выдававшем в нем бывшего интеллигента средней руки; аккуратная борода и всегда отутюженный костюм выделял его очень сильно от других русских бежавших со средней России.

Благоверная супруга его тоже бросалась в глаза своей статностью и благородством.

Полина Владиславская была родом из обедневшей польской шляхты и поговаривали, что даже унаследовала титул графини, хотя Черниковы тщательно это скрывали.

Когда то в молодости Василий Антипыч ездил в Варшаву по каким-то рабочим делам, откуда и привез себе молодую жену.

Люди говорили, что приехавшая семья Черниковых до революции имела где-то под Воронежом и большое имение, и свои собственные поля пшеницы, а также мельницы, лавки.

Пришедшая в страну Советская власть отняла у них все что было, но следуя просьбам крестьян, которым они в свое время сильно помогали, переселила их в бывший флигель, отдав их усадьбу под Детский приют.

Гражданская война ломала судьбы, крошила в пыль многих людей и их семьи, но Черниковы смогли устоять. Правда все любила вспоминать их дочь Анна, когда стала взрослой, как едут белые, а потом красные, а потом снова белые, а потом снова красные.

После Гражданской войны, начавшаяся было НЭП, дала возможность многим людям начать все сначала. Не обошла она и семью Черниковых. Снова завели свое крестьянское хозяйство, только теперь уже без наемных рабочих и гораздо меньшее по размерам, что было когда-то. Работали всей семьей, а это как, никак тринадцать детей. Немного смогли встать на ноги, но ненадолго. Вскоре и НЭПУ пришел конец.

Но глава семьи не только занимался своим крестьянским хозяйством, а они всегда были и сильно верующими людьми с христианской душой.

А тут Советская власть в лице пришедших колхозов сплошь и везде состояла из вчерашних бедняков, многих из которых знали больше как местных пьяниц и, как говорил про них народ при старом царском режиме, называя лишь одним словом – дармоеды.

Но и среди даже и этих самых дармоедов нашлись те, кто помнили добро семьи Черниковых, называя их больше богомольцами, оттого, что вели они тихую, благочинную жизнь с молитвами и крестьянскими буднями.

И вот снова у Черниковых отбирают последнее, изымают в пользу Советской власти, а потом только и успел им кто-то сообщить из добрых крестьян, что в списке на Сибирь они стоят первыми.

Супруга Василия Антипыча, Полина поседела тогда за день. Но благо в Закавказье Советская власть немного шла с опозданием, а там между Ставрополем и городом Ветров ездил двоюродный брат Василия Антипыча, занимаясь скупкой мяса, а он их давно еще к себе звал.

На сборы у них всего лишь два дня было, и, взяв с собой, что смогли в товарном вагоне они поехали далеко-далеко... за Кавказские горы, в город Нефти и Ветров, на новую родину.

А через три года после их исхода в Город Ветров, супругу Василия Антипыча парализовало на долгие пятнадцать лет.

А Василий Антипыч не в силах видеть свою жену в таком виде, стал еще больше верующим человеком и одним из первых христианских проповедников Божьего Слова, благо, что этих новых для них мест не коснулись страшные гонения какие были в центральной России.

Дети их росли, а старшие уже и совсем взрослыми были и с первых дней бросились помогать семье. Кто-то уже и замуж выйдет, а кто-то и женится...

А молодая Анна Черникова познакомилась с Петром Ивановым. Как-то быстро случилось, что женились они. Свекровь звала Анну по простому Нюра и сразу невзлюбила всю ее семью, считая, что Петр должен был взять себе в жены из молоканской общины, да и вообще для нее все Черниковы были классово неприемлемыми для нее людьми «антиллегенция вшивая», говорила она про них или еще называя их также малохольными. Хотя и она себя считала, чуть ли не бывшей помещицей, вспоминая со слезами то время, когда ее семья держала батраков.

Молоканские обычаи сильно отразились на характере бабки Иванихи, а жестокое время превратило ее в вечно брюзжащего на все человека.

Называя семью Черниковых презрительно «антиллегенцией вшивой», бабка Иваниха могла сама сесть в своем длинном сарафане наземь посреди бела дня не стесняясь при этом народ честной, сделать свое дело, а проще сходить по маленькому, встать и уйти как ни в чем не бывало восвояси.

Так на место самого почитаемого напитка молоканами коровьего молока стала приходить водка или самогон.

Потому и стал говаривать в сердцах дед Федор муж бабки Иванихи:

– Молоко нынче больше не пахнет травой. Это не то, что в старину не то, что бабы, а мужики водку не пили, а сейчас?... Эээххх.

Это он все говорил из-за того, что бабка могла в праздник опрокинуть в себя рюмку, а то и другую. Но дед Федор сам побаивался бабку и потому не встревал в это дело.

– Мовет водку кушать, пуцай себе кушает ... – только и говорил он.

Бабка Иваниха, а в миру, Клавдия Григорьевна итак не любила сына, а после женитьбы на Нюрке, как она называла сноху, стала так же не любить еще и его двух дочек.

Ближе к старости Клавдия Григорьевна почти перестала общаться с невесткой, ушла совсем от своих дел и все больше занималась целительством, а кое-где и вредительством, смотря сколько могли ей заплатить. Поговаривали, что она ведуньей была еще той..., но не гнушались водить к ней при этом деток больных своих соседи.

Так и встретила этот мир, появившаяся сначала на свет мертвой, синюшного цвета Надюша.

Старая повитуха, работавшая нянкой в больнице, вернула к жизни маленькую девочку. Правда сердечко у Надюши так и осталось больным.

Но слабое, так и оставшееся раненным, маленькое ее сердечко было наполнено чистой, светлой любовью ко всему живому, что было на этом свете.

Маленькая Надюша росла и восхищалась деревьями, травой муравой, цветами, птицами, солнышком, морем, на которое ее повезла потом мать.

Все, что видела она любила.

А еще Надюша помнила всю свою жизнь, как ее папку жестоко избил его отец с двумя старшими братьями Петра.

Тогда она впервые для себя поняла, что есть в этом мире и что-то очень и очень плохое, жестокое, черное ...

Это случилось еще до того как посадили папку. Гуляла тогда папкина родня, Нюры дома не было, она у сестер была, через две улицы, на Девятой Нагорной. Пила ее родня много тогда, и все водки одной.

Надюша дома была, а Валентина ушла куда-то. Надюша хоть и мала совсем была, но помнила, как крики во дворе раздались дикие, и грохот. Выбежала она и видит, как отца ее бьют и все по голове, да табуретами дубовыми. Бил дед Федор и два брата старших, дядьки ее родные.

А отец ее хоть и здоровым, да крепким мужиком был и спортом до войны занимался и не каким-нибудь, а борьбой греко-римской, да перед родными смиренным был. Воспитание не какое-нибудь было у него, а веры отцовой, молоканской, а у них против старших слова не было. Старшие все решали и в общине и в семье. Старшие баловать могли и наказывать.

Не знала Надюша тогда, что случилось, но видела, как на ее глазах жестоко били папку табуретами, да деревянными оглоблями.

Вскоре папка ее весь в крови стал, и еле-еле дополз до двери своего дома, получая по спине дубинами. И с маленькой Надюшой случилась истерика. Плакала тогда маленькая девочка навзрыд и долго успокоиться не могла, до того ей жалко было отца. «Папка! Папка!» кричала она. Бедненькая, так переживала за папку, что стала терять сознание от плача и уже глаза закатывать пока, прибежавшая мать, ее не успокоила, взяв на руки, и причитая: ну что ж ты миленькая, не плачь родимая наша. Не плачь. Бабку она после того сильно бояться стала и даже вздрагивала когда видела ее рядом. Бабка Иваниха вместо того, чтобы разнимать сыновей, все больше улюлюкала и хохотала как одержимая, а папка лежал на полу и стонал истекая кровью.

Много воды утекло после того, как это случилось, и только потом уже, когда стала Надюша взрослой, папка поведал ей, что даже когда совсем малой был бабка, то бишь мать его посылала одного единственного из братьев спать в хлеву вместе с овцами да козами. Это было, когда они в деревне молоканской жили. И никогда она сына не жаловала.

И отчего бабка Иваниха сына своего младшего так не любила, Надюша никогда и не узнала, но поняла тогда лишь одно, что раз папку ее бабка не любила, то значит и его отпрысков тоже никогда так и не приняла.

Пока отец был еще в тюрьме, первым на фронт забрали старшего дядьку Николая, потом среднего Ивана, а потом еще двух ее двоюродных дядек, Макара и Демьяна, совсем еще юного молодого парня, которого все звали почему-то Дейкой и, который был начинающим художником.

Семья ее двоюродных дядек жила в соседнем дворе, но Дейку Надюша любила. Добрый светлый парень, вечно улыбающийся, называвший маленькую племянницу Лялечкой. Он первым и назвал ее так, а потом и все остальные, а его голубые глаза всегда сверкали при этом.

Дядек на фронт провожали всем двором. Надюша никогда потом не могла забыть тот день, когда молодой и красивый Дейка погладил ее по голове, и как бы ко всем сказал:

– Ну, а там, как говорят, или грудь в крестах или голова в кустах.

Больше Надюша Дейку в своей жизни никогда не видела. Другие дядьки вернулись, но Дейка так и сгинул на войне. Позже узнала она, что он пропал без вести на второй месяц войны. Было ему тогда всего восемнадцать лет. Остались после Дейки только два десятка написанных им картин.

За отцом ее пришли через неделю, как освободили его. Отец Петр любил дочку сильно. Поднял ее и сказал только одно,

– Мамку слушайся.

Бабка Иваниха померла в самом конце войны. Последняя кто видела ее еще бодрой, была жена сына ее, на фронт ушедшего, Наталья. Баба была дородная, прямо кровь с молоком, и фигура и телеса, на которые любили засматриваться татары или как они сами себя называли, азербайджанцами с аулов, торгующие на базаре. Их мужики особенно таких баб любили, и как сама про себя любила говорить Наталья, на меня чернота пялиться любят из-за жопы моей... Как тока на базар захожу, у них аж слюни течь начинают ...,

А Наталья и красива была тоже, черноокая, скуластая немного и волосы до пят.

Вот и не выдержала она. Пошла по рукам, и все больше с татарами с базара. Стала и деток бросать и из дому убегать.

– Муж в Тверь, а жена в дверь?! – говорил в сердцах ее свекор Федор, – Что скажешь Ваньке, когда с фронта то вернуться? Ась? – в сердцах говорил он ей, когда в очередной раз она, отдавая дочку с сыном жене другого брата, нафуфыривалась и уходила вечером из дома.

– А то и скажу... Люби меня такой –оооййй, как есть ... – песней смеясь отвечала она.

– Тьфу! Дура ты и есть дура!

А утром Наташка приходила пьяненькая, уставшая.

– Охх ушталась я ... Ох ушталась – сокрушалась она, а потом падала на кровать и засыпала.

И так изо дня в день, пока не получила она письмо от Ваньки, что в госпитале с ранением лежит аж в Рязани, и видно кто-то доложил все же ему о похождениях бабы своей, потому как в конце отвечает он ей, что дескать его комиссуют из-за ранения, но домой он не вернется, жить с ней больше не будет и остается в Рязани. А Ванька хорошим машинистом был, еще в Баку всегда хорошие деньги зарабатывал, а Наташке то детей растить надо, а без мужика то как...? Татарва, как называли в те года азербайджанцев, бывало угостят ее и даже с базару детям и овощей надают, напоят ее, попользуют и все ...бывай как знаешь, а свой мужик есть свой ...

Задумалась, закручинилась Наталья и кинулась к свекрови своей,

– Что делать мне мать? Что делать? Не могу жить без Ваньки! Люблю его! Верни мне мужа! Прошу верни! Детки без папки останутся! Внуки твои! – причитала она.

Бабка Иваниха долго так, исподлобья глядела на нее, а потом и говорит:

– А ты что ж, окаянная, хотела? Иль думала, что манда твоя золотая, и бабу себе он не сыщет. Шмара ты, и есть шмара... Блядина одним словом ... Там в Рязани то той щцас и найдет себе женку то новую, а сына своего я знаю. Он мужик видный и хоть раненный, а мужиков щцас нет... Все воюють..., а он машинист хороший и тама на работу пойдет, а ты

вот смотри, что видишь, то получишь... Шмара ты подзаборная. Шалава! – показала бабка Наташке кукишь.

– Помоги мать ... Помоги... – стонала на коленях обливаясь слезами Наталья, – Деток ради... Прости мать... Прости.

Долго еще материла рыдающую Наталью бабка, а потом замолчала, долго молчала и говорит ей после:

– Ладно помогу тебе перед смертью, помирать мне скоро, и потому ты должна будешь и для мене кое-что сделать. Дай слово мене, прям щщас, что сделаешь, – грозно говорила ей бабка.

– Все, мать, сделаю, все! Клянусь тебе!

– Ну смотри, коль обманешь, то прямо помирая, проклянущу тебе, шалава.

– Да мать! Все сделаю!

– Ну слушай тогда, что надобно тебе сделать будет. Но не думай ты, окаянная, не ради тебе шалавы, а ради деток. Да и сын не хочу, чтобы так далече жил. Хоть и обидела ты Ванечку моего, да ладно ... За этот грех тебе потом отвечать на том свете. Тэперыча слухай сюды ... Через три дня новолуние будет, в полночь подойдешь к трубе печной и начни выть в трубу, аки волчица. Долго вой, а потом кричать в трубу стань: Приди ко мне, Ванечка! Приди ко мне, Ванечка! Приди ко мне, Ванечка! И так три дня кряду, а после собери всю, что есть золу то в печи и закопай ее под осиной. Поняла, окаянная?! – спрашивала ее бабка.

– Да мать! Да! Все сделаю! Все! – говорила ей Наташка, лобызая бабкины ноги.

Бабка же, оттолкнув ее от себя, продолжила:

– Я помру скоро. Ровно через месяц, я знаю это точно.

Когда помирать начну, а помирать я тяжело буду, впаду в беспамятство. Кричать буду, звать людей и просить, чтобы взяли.

– Что взяли, мать? – сквозь рыдания спрашивала ее Наталья.

– Силу мою...силу. Но брать не будет никто... Ты придешь, подойдешь к телу моему и скажешь три разу. Запомни три... Я беру! Я беру! Я беру! А после повернешься, и, ни с кем не говоря и не оглядываясь, выйдешь из хаты. Все поняла то, окаянная?

– Все, мать. Все.

– Ну, а теперь тогда пошла вон отсюдова, шалава, пока я не передумала!

Наташка и сделала все, как велела ей бабка Иваниха, и вскоре, Ваня уже и вернулся к ней со словами такими:Все прощаю тебе! Люблю тебя, и жить с тобой буду, и никто кроме тебя мне не нужен.

И взяла Наташка силу бабкину, а ее девать надобно куда-то, а бабка и лечить могла, а могла и порчу наводить.

Но Наташка лечить никого и не собиралась. В ней алчность проснулась. Видно от татар тех с базару набралась она алчности. Стала колдовать она на людей. Привороты делать, шепотки на скотину, татарве помогать на базаре, чтобы прибыль у тех шла, за деньги конечно.

И на Анну, то есть Нюру, жену брата, которую бабка покойная не любила, тоже стала наводить порчу.

Вот так и стал Петр, вернувшийся с фронта, гулять от жены своей.

– Ну, что Нюрка, жди теперь я тебе устрою! Сгною тебя вместе с семейством твоим, – кричала она своей родственнице.

Анна внимательно так смотрела на нее, а потом спрашивала:

– И что же я тебе сделала?

– А ничего. Просто не люблю тебя и все семейство твое.

Ничего не говорила в ответ ей Анна, а только тихо поворачивалась и уходила, читая про себя Псалмы и молитвы.

– Увидишь, скоро мужик твой от тебя гулять будет! – кричала ей вслед, уже ставшая бесноватой, Наталья.

Много еще зла творила она, пока под поезд то не попала через пятнадцать лет, пьяная вдрызг.

А Петр вернулся с войны хромым.

Рассказывать про войну Петр не любил. Позже, через много лет Надюша узнала от матери, что отец в Сталинградской битве участвовал. Труп на трупе лежал тогда. Русский на немце, немец на русском. Куча изуродованных, убитых, обмороженных и раненных тел. Мороз сильный въедался в кожу своими колючими холодными клещами, а Петра завалили трупами. Немцы потом долго ходили. Все искали своих, выживших. Раненных русских добивали штыками. Живой был Петр тогда. Только оглушенный от взрыва. Так и молчал он, заваленный окровавленными телами, пока немчура ходила. Правую ногу он чувствовать перестал, и пальцы на ней почернели, потом от мороза и их он лишился, после того как добрался почти что ползком до своих. Госпиталь он не забыл, и те три месяца, что провел в нем. Тысячи искалеченных судеб, обрубки тел, ополовиненные люди.

В 1943 году Петра комиссовали по причине здоровья.

В Баку было серо в тот год, неуютно и почему-то все время холодно, несмотря на то, что город был всегда теплым. Пустые улицы, на которых лишь изредка можно было встретить одинокого путника и сырой, влажный ветер, который пронизывал все насквозь. Ветер перекидывал по брусчатке обрывки старых газет, одинокие высохшие колючки непонятно откуда взявшиеся из степи, серую пыль состоящую всю из морского песка. Многие лавки были закрыты, а скудный запас продуктов выдавали по карточкам.

Летом же город был пыльным и до того жарким, что люди видели, как воздух плавился над черной, залитой мазутом дорогой, и запах нефти стоял над всем городом, будто покрывая его плотным мазутно-бензиновым колпаком.

Петр сразу по демобилизации устроился водителем на местный винно-водочный завод и, вскоре, в доме снова стали появляться какие-никакие продукты.

Где Петр принесет заводской паек, где Анна сбегает на рынок и принесет свежей морской рыбы, которую продавали за копейки.

Мать Надюши, Анна Черникова, была из очень верующей, богомольной семьи, и даже Советская власть, прошедшая богоборческим топором по всем верующим людям, не смогла сломать веру в ее душе.

Часто дочки ее вспоминали, как ходили по дворам и вели опрос по поводу атеистического воспитания молодежи.

Хмурый уса́тый партийный работник в сером пальто аккуратно все писал в большую тетрадь, тщательно отмечая каждый дом и каждую улицу.

– В Бога верите гражданка Иванова? – насуплено спрашивал он, внимательно смотря на Нюру, на пороге ее дома.

– Верила и буду верить! – выставив вперед ногу, жестко отвечала Анна Васильевна.

– Пошли, пошли отсюда, – заверещав тут же, ушел со двора партийный работник, а с ним и две женщины из местного профсоюза.

Василий Антипыч ушел в мир иной после смерти своей Полины, через десять лет.

Ездил уже давно седовласый старик по местам бывшей царской Елизавето-польской губернии, а теперь окраине Советского Союза, читал проповеди о Боге. За это много раз был гоним Советской властью, а то и бит, даже в застенках бакинского ОГПУ.

А застыл он во время проповеди на стуле в одном из таких поселений. Одни глаза его продолжали смотреть на этот мир, все такой же кротостью и смирением ко всему, что выдавала жестокая судьба-гадина его семье, лишив отчего дома, запаха русской земли и воздуха, которым они дышали когда-то.

Похоронили Василия Антипыча на русском небольшом кладбище в Набрани, был там такой поселок в лесу, недалеко от Каспийского моря.

Земля же, которая когда-то приняла их к себе, хоть и была окраиной бывшей Российской империи, да только приняла переселенцев поначалу неприветливо и может даже слишком зло. Вспоминала потом, спустя многие годы Анна Васильевна, рассказывая своим внукам:

– Помню, идем мы с сестрами по Шестой Нагорной поселка нашего, а за углом местные татары стоят, ножи выставили, машут ими и что-то, на своем кричат в нашу сторону, а мы девки не из пугливых были, и в ответ им, как учил дядька наш, папкин брат Алексей Антипыч: Тарбара тарам Бардам!

Он сказал, что, дескать, понять они не поймут, что сказали Вы, да за то таких слов тарбарских спужаются и к Вам больше не подойдут.

Полина Владиславская долгие годы пролежала парализованной, тем не менее, не потеряла своего гордого взгляда, одряхлев на своей кровати, еще больше стала походить на истинную графиню, хоть и лишенную титула, статуса, уважения. Всего, кроме внутреннего достоинства, доставшегося ей от старинного рода польской шляхты.

Две старшие ее дочери Лидия и Сара, сестры анны так и не вышли замуж, отдав всю себя своей матери.

– Помню мамочка наша перед смертью посмотрела на меня и как будто что-то сказать хотела, а отец в одном из районов был тогда. Видно его взглядом искала. Бедная мамочка, что-то только не выпало на долю ее ... Царство ей небесное, – рассказывала потом ее дочка.

Уходил род ... Замыкая в себе целую эпоху, целый круг жизни. Но только не затухнет род все равно на веки.

Останется дух его в новых душах и пройдет он через кровь, которая разлившись в молоке отметит приход новых годин, новых скрижалей истории, ее закрученных узлов времени ... Истории которой не будет конца пока живет память в ком то из потомков этого рода.

РАДЕНИЯ и ИСХОД.

Марьюшка стала теперь красивой статной девушкой и все в ней ладно было. И длинные слегка волнистые волосы спадающие до талии, и румяные щеки и большие ресницы и глаза с волшебной поволокой смотрящие на все немного с удивлением.

И женихи все табуном ходили вокруг, да все для нее это ненужно было. Марьюшка все больше любила ходить послушать старцев о Боге, о апостолах Божьих и по хозяйству работать, матери помогать.

– Марьюшка! Марьюшка! – услышала она как то утром голос одной из своих подруг Параскевы.

– Шо тебе?! – закричала Марьюшка из хлеву.

– Поди ка! Марьюшка! – не унималась Параскева.

– Вот пристала оголтелая! – отвечала Марья, но вышла со двора к подруге, – Шо тебе чумовая?

– Пошли со мной сегодня до Сретенки?

– , а шо там такого? – спрашивала Марья исподлобья глядя на подругу, держа в руке деревянное коромысло.

– Тама у них радения проходят. Они тама не как у нас ... – улыбаясь какой то явно новой улыбкой говорила Параскева.

– , а как тама?

– Тама они Господа знают. Мы то все сиднем сидим, да старца слушаем. Все чинно у нас, да только не по душе мне это.

– , а как же ты туда попала? Хотя у тебя в Сретенке родня вроде ...? – говорила Марья кладя коромысло на землю. – И как же они тама Господа знают?

– А я у них уже как два раза была. Меня моя тетка Пелагея то и свела туда. Они себя хлыстами кличут и радения у них такие интересные.

– , а шо за радения таки еще? – продолжала спрашивать Марьюшка.

– А это у них таки помыслы Божьи, тама все в пляс уходят, с молитвами, да с песнями. Долго у них это все, да знаешь как хорошо то потом, а пося все чаевничают, мед, пряники да конфеты угощаются и хлопцы тама все такие пригожие, – зардевшись говорила Параскева.

– – Больно нужны мне твои хлопцы, – отвечала ей Марьюшка, —

Ладно пойдем, тока давай завтра. Сегодня дела доделаю, а потом и сходим. Мамке скажу я и пойдем.

– Хорошо быть тому, – сказала Параскева и ушла.

Рано поутру выпив молока на дорожку девки ушли по Свинячей дороге до Сретенки.

Свинячая дорога такое свое название получила с давних пор. Дорога шла через сосновый лес мимо Болотного оврага и идти до Сретенки было около часу. Была такая история и очень старинная, что когда то в незапамятные времена шел по этой дороге странник паломник со святых мест. Долго шел через лес, а дорога пустынная была и по ней местные крестьяне ходить не любили.

А дело к ночи шло ... Смеркалось уже ... В лесу итак темно было, а тут еще больше, но странник осеняя себя знаменiem крестным продолжал идти, рассчитывая скоро добраться до ближайшей деревни. И пока шел читал Псалом Святой, а темень все сгущалась вокруг и тени обретая причудливо угловатые формы ложились на дорогу вокруг него.

Внезапно за поворотом увидел странник большое темное пятно на дороге, подумав что перед ним лежит свалившееся дерево.

А странник как подлинно известно был христианином правоверным православным и еще раз перекрестившись медленно приблизился к тому большому и темному предмету, что лежало посреди дороги.

– Святой Боже! Святой крепкий! Святой Бессмертный помииилуй наас! – пел он себе при этом под нос.

Вскоре темный предмет сформировался в огромного мертвого хряка. Странник осторожно приблизившись к труп у борава с удивлением обратил внимание на невероятно огромные размеры последнего. Боров лежал распластавшись посредине дороги, полностью перегородив ее. Странник начал оглядываться вокруг, пытаясь понять откуда на дороге, посреди леса оказался сей мертвый свин.

, Странно, – – подумал он, Откуда ж он взялся здесь? Если только с телеги выпал ... ,

Хряк действительно был слишком большим по своим размерам. Паломник обошел его вокруг и был немало удивлен тому как хряк лежал на земле. Копыта в растопырку, а огромная голова была повернута набок и пасть борава улыбалась в предсмертной агонии совсем по человеку.

– Ишь ты прямо похож на мельника нашего Пантелея, такая же морда после бодуна как. Ладно пора дальше идти, а то уже совсем скоро темно станет, – все это пробубнил вслух странник, озираясь по сторонам и уже было собрался идти дальше как вдруг заметил, что один глаз хряка как подмигнул ему.

Но подумав, что ему померещилось он двинулся дальше, а в это время стало совсем темно, но дорогу через некоторое осветила все-таки полная луна вышедшая из-за небольшого облака.

Странник продолжал свой путь и вдруг снова увидел возникшее вдали большое темное пятно.

Приблизившись странник пришел в замешательство признав в темном предмете, который уже освещала холодная луна все того же мертвого хряка.

, Как так? Может заплутал я? Вроде и шел прямо все время ... , – думал он.

Странник был человеком не из робкого десятка и когда то прошел службу в армии и еще он всегда уповал на молитвы, а тут вот какое внутреннее беспокойство начало свербить его изнутри. Один в лесу, на дороге и тут мертвый боров этот ...

Снова перекрестившись странник обошел эту гору мертвого свина и двинулся дальше. Однако пройдя совсем немного он опять очутился перед мертвой тушей свиньи. Тут уж страннику стало совсем не до смеха, если не сказать большее смятение начало овладевать им.

Странник даже потрогал висевший за поясом походный нож, который в чем то немного и придал ему какой то уверенности.

Он вновь решил обойти тушу вдоль обочины и проходя мимо громадной башки свина краем глаза посмотрел на нее. Холод прошел по спине его и ноги стали такими вязкими будто увязли в болоте.

– Святый Божеее! Святый крее...п кийй! – слабым голосом затянул он.

Морда хряка в упор смотрела на него, улыбалась во всю клыкастую пасть и один глаз явно вновь подмигнул ему.

Но еле еле опираясь на палку странник продолжал обходить тушу как услышал голос исходящий от мертвого казалось бы хряка.

– – Пошто жинку свою Фросю загубил?, а теперь в странники Божьи поддался??? Гы Гы Гы!!! – заголосила голова борова заходясь в диком и нелепом смехе.

Странник забыв же обо все бросился бежать. И снова стало тихо в этом месте, посреди леса, на дороге залитой блекло бледным лунным светом, освещающим большую бесформенную тушу мертвого хряка с оскаленной улыбкой своей свинячей морды.

Утром проезжавшие через лес крестьяне встретили на дороге тронувшегося умом странника с остекленевшим взглядом повторявшего одни и те же слова,

– -Свин Хрякович мой друг Борович! Свин Хрякович мой друг Борович!

С того дня все и прозвали эту дорогу Свинячей.

И вот утром рано спозаранку и выдвинулись Марьюшка с Параскевой по Свинячей дороге в сторону далекого села Сретенки.

– , а мамке что сказала? Куды пошла? – спрашивала Параскева Марьюшку.

– Да я мамке все дела поделала и сказала ей, что на ярмарку идем, – отвечала Марьюшка.

И хотя не любила Марьюшка ходить через Свинячий лес, но любопытство подогревало все равно ее. Очень хотелось ей увидеть эти самые радения что за такие.

Рассказывал ей как то давно папка про лес этот и про дорогу Свинячью и ездила она с ним несколько раз на телеге до Сретенки и всегда мороз по коже ее свербил когда проезжали они по этой дороге.

Несли с собой девки узелки с собой в которых завернуты были длинные белые холщовые рубахи для радений. На Марьюшке сапожки были короткие выходные, сарафан до пят и голова покрыта белым платком.

– Ой люли люли! Ой люли люли! – пела себе под нос Параскева.

Девка она была кровь с молоком, щеки румяные, волосы огненно рыжие и лицо все покрыто было у ней большими солнечными веснушками.

– Слышь Параша не люблю я по этому лесу ходить! – громко произнесла Марьюшка.

– , а чего ж нам бояться?! Мы девки огонь! Нам и черт не страшен! – отвечала Параскева.

– , а ну цыц Параша! Нечистого не поминай!

– Вот и ты туда же ... Наслушалась сказок про Свинячью дорогу ... Ха –ха – ха!

Марьюшка лишь промолчала в ответ.

– Щцца придем в Сретенку и купим на ярмарке пряников да леденцов! На радения с гостинцами ходить надобно!

– Купим конечно же! Девка все ж оголтелая ты Параша! – улыбаясь отвечала Марьюшка, прибавляя шаг стараясь как можно быстрее пройти через лес.

Сретинка появилась сразу из-за бугра, сверкая куполами Храма Жен Мироносиц. Большое село раскинулось по двум долинам разделенными широкой рекой.

Проходя мимо Храма Марьюшка залюбовалась его красивым и благолепным видом.

, Почему же старцы нам в Храм запрет ввели ходить? Это же дом Божий ..., – невольно пронеслись у ней мысли.

Девки сразу направились в центр на ярмарку за сладостями и после уже спустились к реке. Пройти нужно было еще вдоль реки, а дальше обойти село, и уже за ним выйти к одиноко стоящему почти что в лесу большому бревенчатому терему.

На пороге дома уже стоял улыбаясь высокий мужик с рыжей, свисавшей до колен бородой.

– Не уж то Параскева к нам пожаловала?, а это кого привела? Как кличуть тебя сестрица доча? – спрашивал у Марьюшки с расплывшейся улыбкой дед.

– Марья я, Искусницей кличуть, – отвечала Марьюшка.

– Марья – Искусница. Кто ж не знает про тебя, слухом земля полниться. – расплылся в улыбке дед, – а я Ермолай, а ты случаем не дочь Гурьевых? Знаю я батю твоего. Ладный мужик. Из молокан, – говорил дед ударяя в слова на буквы о. И дед Ермолай не стал спрашивать почто девка из молоканских до хлыстов пришла видно считая это промыслом божьим.

– , а Вы хлыстовские? – робко спрашивала Марья.

– Христиане мы по первому разу, – хитро улыбаясь говорил дед Ермолай, – Проходите сестрицы дочи. Проходите. Там встретит Вас сестрица Меланья. Она Вас проводит и там же наши плотья то и одените.

Марья с Параскевой зашли в темную горницу, где их уже ждала женщина низенького росточка покрытая платком почти до глаз.

Дальше они прошли в комнату где оделись по хлыстовски и после Меланья провела их уже в большую горницу в которой горели свечи и лампы на встроенных в стену полках.

В углу уже стояли женщины в длинных белых одеяниях до пят покрытые платками. В другом углу стояли мужчины. Вскоре вошли в залу еще люди.

Через некоторое время в залу вошел совсем глубокий старик с длинной белой бородой.

– Это кормчий, – тихо прошептала Меланья.

Старик начал сразу распевать святые псалмы. Народ вскоре как то слабо стал подпевать ему.

Песнопения затянулись надолго, а люди все сильнее и сильнее подпевали ему.

И вот когда казалось пениям псалмов не было конца и края старик вдруг с ретивостью не свойственной человеку такого возраста бросился в самый центр большой комнаты и подпрыгивая из в стороны в стороны, а также вертясь по кругу стал выкрикивать непонятные для обычных людей слова.

И потому Марьюшка не все понимала, но кое что все-таки доходила до ее молодого девичьего разума.

Неистовство старика в это время стало особенно безумным, а люди образовав круг стали кружиться вокруг старика также в неистово бешеном танце.

Тут женщины завопили в один голос,

– Пророчица! Пророчица! Пророчица!

При этом они взмахивали своими платками, которые окрестили, архангеловыми крыльями,.

В какой то миг они расступились и в центр вбежала молодая, довольно красивая женщина, завопив что-то невнятное.

Люди при этом истерично начали повторять за ней безумный набор совершенно бессмысленных слов.

Женщина выкидывая платок вперед взмахивала им как крылом, а потом повалившись на пол будто в припадке стала конвульсивно дергаясь всем телом что-то выкрикивать.

Все обступив ее на какое время замерли, но потом будто обретя второе дыхание еще более неистово бросились кружиться вокруг нее, прыгая, дергаясь в каком то безумном хоро-воде.

Толпа подхватив Марью да Параскеву поволокла за собой в это светопредставление.

Для Марьюшки в эти минуты показалось будто пол и потолок слились в одно целое. Спер-тый воздух питая его потными телами людей, усиливался с каждой минутой этого дикого хоро-вода.

, Нет это не молитвы к Боженьке, – думала в этот миг Марьюшка – , Это не знамо что., Женщина – Пророчица жутко крутилась, изгибалась всем телом, и каждые ее члены дер-гались и подпрыгивали издавая так же ужасные звуки.

Люди все больше и больше впадая в дикое неистовство кричали, орали, прыгали, бегали из угла в угол – бесновались.

Воздух в запертой комнате делался липким и смрадным от всех этих беснующихся тел.

Марьюшка стала ощущать постепенно, что больше не владеет своим телом и толпа всех этих потных людей с безумно сверкающими глазами просто волокет ее за собой в этот пороч-ный круг.

Сознание стало будто покидать ее на мгновение, а скорее она ощутила то, что слилась с людьми в одну липкую и вязкую человеческую многоножку и стала думать и ощущать себя не цельным существом, но куском какого мерзкого вонючего, длинного червя сделанного из прилипших друг к другу людей.

Свечи горевшие в комнате стали одна за другой гаснуть и Марьюшка краем своих глаз увидела как несколько пар мужчин и женщин поползли в угол на ходу срывая с себя длинные рубахи и заходя в сумасшедшей похоте предавались греху.

Потом еще другие стали падать на пол вздыхая, стона и крича при этом.

Дикий старец упав на колени перед дергавшейся в конвульсиях Пророчицей стал вопить, – Не потопа! НЕ потопа!

Что означал смысл этих слов было неясно ...

Марья была уже почти в дурмане и Параскеву совсем потеряла из глаз, как вдруг почув-ствовала как несколько рук тащат ее куда то, одновременно пытаясь стянуть и с нее рубаху и до боли сжимая ей так же груди, бедра, ноги.

Собрав последние силы она закричала не своим голосом и вскочив на ноги, почти уже в полумраке бросилась в сторону двери.

К счастью дверь была не заперта. Обливаясь слезами, еле еле волоча свои сделавшиеся деревянными ноги Марьюшка почти в разорванной рубахе вбежала в горницу схватила узел своей одежды и сапожки и на ходу напяливая их на себя бросилась бежать. И откуда только взялись у ней силы.

Не помня себя она прошла через всю Сретинку пока не вышла до Свинячей дороги. Но Господь смилостивился над ней. По дороге катила телега. Это были муж с женой Саяпины, с ярмарки ехали до дому.

Они то и довели Марью до хаты ...

Дома все уже спали. Не помня себя Марья еле дошла до кровати и упав на нее забылась в черном, словно бездонный колодец сне.

А на следующий день ее разбудили крики доносившееся с улицы. Глафира уже стояла за воротами их дома. Отец видно в поле был с братьями.

– Ты где ночью ходила? – строго спросила мать заспанную Марью.

– ааа! – Марья махнула рукой, но мать отвлекли крики доносившееся издали. Иначе она бы строго спросила с Марьи за ее ночные похождения.

Марья же в это время думала о Параскеве. Где шальная девка, да что там дальше с ней было?

– Тока бы мать не узнала, что я у хлыстов была. Но вроде молчит., – думала Марья.

В это время к Глафире подлетела бабка аксинья, старая очень верующая молоканка,

– Твой где? – спрашивала она у Глафиры, – Должен в поле быть?, а то щщас старики пошли до дому старосты.

– , а что там? – теперь настала очередь Глафиры спрашивать у старухи.

– Урядник с попом приехали. У старосты щщас. И ещщес какие то, в одеже бесовской.

– Попы идут! Попы идут! – пробежала мимо дома ватага крестьянских детей.

Вдали улицы показалась процессия. Священник в блестящей ризе, с ним видно еще один священник с большим крестом, дьякон с хоругвей и еще какие то люди.

– Крестный ход! Крестный ход! – вопила детвора так, будто на их молоканскую землю пришли бусурмане.

Вдали раздались голоса поющие молитвы. Когда процессия дошла до дома Глафиры батюшка проведя кадилом громким басом запел Псалом.

Бабка аксинья плюнув себе под ноги опираясь на клюку поспешно заковыляла оттуда. Глафира подтолкнула Марью,

– -Ступай в дом! – пробубнила она недобро.

Процессия двинулась дальше. Среди тех кто шел в крестном ходе были и люди из власти.

Вечером староста собрал всех молокан в большом молитвенном доме. Была прочитана им грамота царского Указа о выселении всех молоканских общин на окраины Российской империи.

– Куда ж нас всех? Зачем же так? – волнуясь спрашивали у старосты старые и молодые молокане, – Хлысты вон творят что ... Пошто нас ... Что нас то?...Как же так?

– Народ вся власть от божьих помыслов! – говорил староста, – Мы лишь простые смертные. Примите перст этот. Дорогу нам Святой дух укажет.

– , а куда старче? Куда?

– -В земли новые бусурманские. Кои совсем недавно за Рассеей остались. У персюков забрали. Но там видение старцам было что Спас Христос Живой воплотиться. Слава ему! Потому дело сие велико!

Тут заголосили бабы, захныкали детки, заверещали старики и загудели мужики. Многие стали рыдать.

– Две деревни молокан наших еще туда же по царскому Указу. Так что примите перст сей и готовьтесь к дальнему пути братья и сестры, – -сказал Староста и сам заплакал.

Так пришло время исхода молокан на новые неизведанные земли. Путь дорога долгой была.

У одной только семьи Гурьевых два фургона были со всем скарбом. В одной был сам муж семейства, Глафира, Марья, а в другой один из братьев с молодой женой и дитяткой и другой брат. К подводе были привязаны две коровы.

Вскоре вся община, а она немалая была двинулась в путь дорогу, а дорога нелегкая была ... По равнинам, через леса густые да степя калмыцкие, через горы Кавказкие, да ущелья темные. Шел народ, шли молокане русские ... Туда где Новый Обновленный Христос должен был придти и воцариться на Царствие Божие ... Так они думали тогда и верили в это ...

– Тпрррууу ... – произнес Селиван и лошади, захрипев встали у подножия горы на каменистом склоне одной из пробитых дорог людьми в этих богом забытых горных местах, подпирающих небеса.

К подводам семьи Селивана уже подходил староста с другими членами общины чьи подводы растянулись по всему склону горы.

– Нам горы пересечь надо и я предлагаю здесь на стан встать. – стал говорить староста Селивану хватая лошадей за узды.

– Где же тут встанем? Все одно камни. А у нас то и провизии уже не у кого почти не осталось. Православные хоть и недруги нам, но хоть хлебушка выносили деткам, а здесь кто живет то ...? Небось татарва одна ... – отвечал Селиван.

– Хуже, – молвил староста дед Евлампий, – Здесь горцы дикие ... Последний пост царев у Хребта был. Когда следующий будет то нам неведомо и что нам ждать от людей здешних, а чтобы до мест благодатных дойти нам горы перейти надобно.

– Да народ здесь дикий, – отвечал ему Селиван, – , а если нападут на нас? Как же мы будем то, ведь заветы давали не брать оружие против человек, а на то и в службу цареву то и не шли.

– Все так Селиван ... Вот и решать будем как быть нам. Здесь остановимся. Проведем молебны да помолимся вместе все и заодно решать будем как быть нам надобно, а идти дальше нужно. Места и земли благодатные которые у персюков царь забрал там, за горами, далече и чтобы дойти до них нам немало еще страданий принять придется, но Господь сам нам дорогу светом своим озарил за что и милость его и имеем.

– Дело говоришь старче ... Дело говоришь ... Здесь встанем ... – говорили мужики.

– На том и сладим, – отвечал им Евлампий.

Вечерние костры, которые разожгли молокане, отбрасывали вокруг себя причудливые тени. Тут и там слышались голоса женщин, успокаивающих плачущих деток. Стариков было мало. Самые немощные изъявили желания остаться в своих хатах да там помирать.

– Это как же понимать ...? – говорил один из общинников, – Мы тут сколько дней шли, а кроме царева поста с солдатами никого и не ведали. Кто ж тогда дорогу то эту делал?

– Дорога эта с не запятных времен руками сотворена. Ведь посмотрите она то местами камнями выложена, а значиться кто-то ее и через горы то строил, – говорил другой.

– Люди здесь живут, да высоко в горах. Здесь все одно оставаться нельзя нам. Староста прав. Идти дальше надо, а здесь смерть в горах. Тут камни одни.

– , а ты что молчишь Селиван? – спрашивали у Селивана мужики.

– , а что тут сказать?... Идти надо дальше. Молебен мы отслужили, молились все вместе. Уповать кроме как на Бога нам не на кого. Ночью разделимся. Часть мужиков полночи сидеть будет, а часть спать, а потом опосля меняться будем, – говорил Селиван прихлебывая жидкую похлебку из большой деревянной ложки.

– На том и порешим, – говорили мужики.

– Вилы с собой берите, ножи да топоры, – говорил Селиван, – убить не убьем, если злой человек придет, так хоть страху на него наведем. Да и костры держите. Тут вон колючек, да всяких кустарников сухих вокруг много. С утра как сказал отец Евлампий дальше двинемся.

Марии совсем не спалось в фургоне, хоть он и утеплен был ватными теплыми одеялами. Рядом сопела мать, а там, где был самый большой костер слышался голос отца.

Солнце уже почти совсем зашло за горы, но верхушки их все еще горели красным огненным светом, обволакивающим их пологие склоны, словно большим покрывалом.

Где-то вдали порой раздавались крики ночных птиц.

Хоть была и летняя пора, но с наступлением сумерек стало зябко и морозно. Холод пробирался повсюду и хоть фургоны были закрытые и утепленные внутри, но все равно это не спасало людей от холода. Кто-то еще грелся у костров, а кто-то в остальном женщины с малыми детьми уже укутавшись в тулупы пытались уснуть в своих временных жилищах.

Наконец Марья почувствовала как слипаются у ней глаза и перед тем как забылась совсем увидела она Параскеву,

– -Что ж ты меня хлыстам то оставила? – услышала она ее голос совсем будто рядом.

Марья вздрогнув проснулась, накинула на себя шерстяную кофту и вылезла с подводы. В соседней подводе слышались всхлипы младенца, маленького сына одного из ее братьев.

Марья посмотрела в сторону костров и направилась к тому у которого сидело несколько женщин.

– Все здесь и помрем ... – услышала она, – Сколько нам иттить еще ... Конца краю нет и земли вокруг все одно бусурманские.

– Господь терпел и нам велел, – это был голос одной из соседской женщин тетки Матрены.

Марья присела рядом. Тепло от огня грело и ласкало ее. Незаметно для себя Марья постепенно погрузилась в мягкий сон.

А потом все вокруг стало тихо, кроме треска горящих в костре сучьев и иногда раздававшихся где-то вдали странных ночных звуков.

И привиделся сон Марьюшке ...

Видит стоит Параскева на лугу залитом светом ярким. Стоит в белой до пят рубахе, а волосы ее как от ветра все и шевеляться.

– Погубили меня хлысты эти Марьюшка. Жила я у них долго ... И взяли меня к себе самые веретенные хлысты, которых скопцами кличут ... Полюбили меня скопцы эти и урезали меня всю, а я ребеночка хотела ведь ... Ивана с улицы соседней любила, а он замуж звал меня, а теперь вот что со мной сделали ... Смотри ...

Сбросила с себя рубаху оземь Параскева и предстала вся нагая совсем.

И видит Марья что грудей то нет у ней ... Рубцы большие у ней вместо грудей.

– ХА – ха – ха, – раздался дикий хохот ее бывшей подруги, – Я то тэперича УрезАнная Невеста Христова! УрезАнная Невеста Христова! И к нему иду ... К не – му ...

И пропала Параскева ... Проснулась Марья, а это птица ночная вопит где-то высоко в горах и так кричит больно, что за душу берет. Она плачем кричит право как словно и не птица эта вовсе, а человек.

А голос Параскевы долго еще стоял у ней в ушах и образ ее тоже ...

Утром дело делается ..., и потому народ собрал свой хилый скарб, да двинулся дальше. Коров уже почти не у кого не осталось. В дороге закалывали да ели их. И у Гурьевых также одну съели, а вторую держали до последнего из-за молока что она давала, ведь ребеночка кормить надо было. Но Гурьевы молоком и с другими общинниками делились у кого детки малые были, пока не случилось так что вскоре молоконе забрели в длинное ущелье, точнее их туда привела дорога. Ущелье темное было, будто совсем не людское место. И даже днем солнечные лучи не всегда добирались до его дна. Хоть дорога и шла по нему, но видно было, что никто здесь давно не хаживал. И деревья в ущелье были тоже странные, с большими листьями, таких молоконе на равнинах не видывали, а еще камни были большие, да колючки. Правда в одном месте родник с горы бил с чистой и вкусной водой.

В этом ущелье их Катла, так звали корову, ногу то и сломала, спотыкнувшись сильно о камень.

– Что делать то будем? – смотрел на нее Селиван, чувствуя как ком подбирается к горлу и слезы накапывают одна за другой. Шутка ли кормилицу потерять.

Рядом уже всю голосила Глафира упав прямо на Катлу и обняв ее за голову. Животное будто чувствуя что видит их в последний раз также плакало как человек да тихо стонало.

Весь караван уже встал и сзади слышались голоса других мужиков.

– Ну что это Господь дает нам испытания, а кто не выдержит их, того он к себе заберет. Видно так нужно, чтобы дойти до земли обетованной, – услышали все голос приближающегося старосты.

– Придется освободить Катлу от мук. – сказал Селиван и вонзил ей нож в шею.

Вечером в этом месте все снова встали на отдых, сидели у костров и ели мясной суп из Катлы. Селиван поделился Катлой со всеми общинниками и еще много мяса осталось. Они его решили всего отварить, да в дороге есть.

Марья после последнего видения с Параскевой ушла вся в себя и все это время молчала. Да ее и не трогал никто ... Отцу и матери она помогала конечно во всем, но делала все так, будто руки сами по себе были, а она сама по себе.

– В таких местах говорят лешие бродят, – говорил один мужик, прихлебывая похлебку, – Помню был у нас на селе один дед сто лет, сказ нам сказывал про своего деда, который забрел в такое же ущелье, где-то в районе Кривых Холмов. Овец пас, а овцы то и ушли куда то пока он задремал то на солнышке. Ну и пошел искать он овец своих. И спустился в ущелье то. Ходил там бродил ... Взад да вперед ... Попасть попал туда, а обратно выйти и не может никак. Заплутал вконец, а там что не есть день, а словно ночь. У нас здесь мы шли пока и то посветлей было.

И ходил он так долго и бродил ... И совсем потерял ход времени, а потом упал без сил да заснул. И не овец нет, и сам как в капкане застрял. Ущелье не выпускает.

Долго спал он и потом сказывал как между жизнью и смертью был ... Очнулся ночь была и только видит небо со звездами, благо луна немного светила и было видно что вокруг.

А куда идти не знает, и начал молиться он. Долго молился, а потом опять заснул. Проснется он, и опять ночь вокруг. Все время ночь и луна светит, а еды у него с собой было немного в сумке, поест он, водицы попьет и снова как в беспамятство впадает.

И вот говорил он так ... – мужик при последних словах замер, будто он сам это и был и все замерли.

Проснулся он как то и все та же ночь, правда хоть и лето, а все же в ущелье том холодно было, но на нем тулуп был короткий, спасал его.

Ну и проснулся он, а луна все так освещала хорошо вокруг и видит он у склона ущелья куст большой такой.

Пригляделся к кусту тому и показалось ему будто зашевелился куст этот. Думает он, что можа померещилось ему и снова глядит.

Дед потом сказывал что у того волосы на голове зашевелились. Куст ентот вдруг встал и пошел к нему, а деда энтото Пантелеем звали. И чувствует он как руки и ноги у него каменными вмиг сделались.

Подошел к нему этот ... Он даже и не знал кто. Как человек говорит, тока огромный и весь волосьями покрытый и глаза огнем горят.

Ну думает Пантелей смерть пришла к нему, а это ..., Прости Господи что непонятно что стоит и глядит на него ...

Начал Пантелей все молитвы, что в голове были когда то, вспоминать.

Смотрел на него так долго этот бесина, а потом развернулся и ушел. Не тронул его, а это сам Леший то и был.

Но на следующий день все же день настал, после долгих ночей. И как то быстро нашел Пантелей выход из ущелья и вскоре вернулся домой. А уже как к дому подходил, видит он, что изба его, да больно стара как то ... ОН то избу недавно поставил, добрую, а эта ветхая больно была. И во дворе нет никого ... И любимого пса тожа нет ... Заходит в избу и видит сидит бабка какая то за столом. Думает он про себя, а где же жинка его Пелагеюшка? ... Подходит к бабке, а та поворачивается к нему и видит он в старухе энтот лицо знакомое сквозь морщины.

Похолодело все у него тогда ... Узнал он в бабке жинку свою Пелагеюшку.

– Ты что ль Пантелей? – прошамкала бабка.

Ничего не сказал ей Пантелей, только из дома то и вылетел как ошпаренный. Сыновья у него давно оказывается выросли и переженились все и даже постареть успели, а Пелагея все ждала его да ждала, да так и превратилась в старуху глубокую, а у Пантелея тока волосы белы

стали как снег после ущелья, а сам то он каким был таким и остался. И еще долго старость к нему не приходила.

Объяснять Пелагее он не стал ничего, да она после его возвращения долго и сама не прожила, а сыновья его долго не признавали, говорила что дескать не отец он им, а бес из лесу. Но потом много воды утекло все же приняли его и он им этот рассказ весь и поведал.

Вот така история. Говорят что правда это, а ущелье то и по сей день там есть, только все его стороной обходят. От нас это больно далече, потому из нашенских эту историю и мало кто знал, – закончил мужик.

Все молчали и только вдруг раздался голос Селивана,

– Лучше давайте братья помолимся. Не нужно нам сейчас чертовщину такую слушать. Прости нас Господи за все. Спаси и помилуй Отче.

– Спаси и помилуй, – повторили все за ним.

Все понимали, что видно Селиван скоро станет старостой, потому как старый глава общины в ту ночь занемог, а через два дня отдал Богу душу.

Община и выбрала старшим Селивана, хоть и были старики общинники.

Долго выбирались молокане из ущелья. У многих по дороге пали лошади, но люди продолжали идти дальше несмотря не на что.

Переход через горы Кавказкие занял несколько месяцев.

Но они и их преодолеют и оставят далеко позади себя Кавказкие горы и все они будут больше походить на измотанных, обездоленных, одетых в лохмотья людей.

А пока они продолжали идти вперед, словно невидимый их взору сам пророк Моисей вел их вперед, так же как и вел свой народ сорок лет по пустыне много тысячелетий назад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.